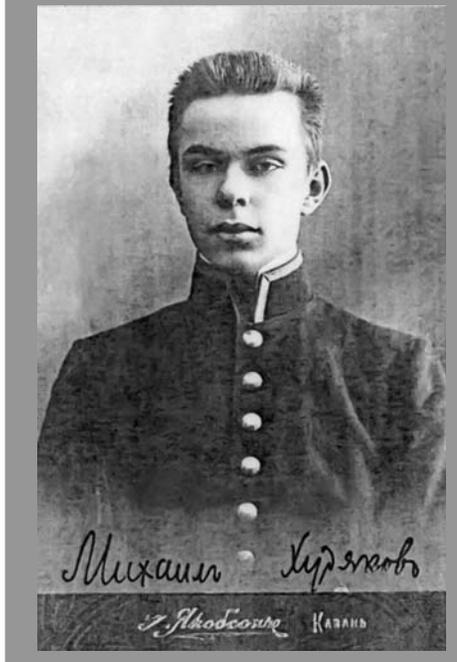

Михаилу Худякову –
120 лет
со дня рождения

Вернувшийся из небытия

Азат Ахунов

*Михаил Худяков – гимназист
1-й Казанской мужской гимназии*

109

Имя Михаила Худякова стало известно широкой публике лишь в последние годы, когда появилась возможность открыто говорить о тех выдающихся людях нашей страны, которые были вычеркнуты из анналов истории с клеймом «враг народа». Главный труд его жизни – «Очерки по истории Казанского ханства» переиздан уже несколько раз, но большая часть его научного наследия до сих пор пылится на полках архивов и библиотек.

Книга Худякова стала культовой в Татарстане в постперестроечные годы. И это понятно – ведь после стольких лет разговоров о татаро-монгольском иге, из небытия возник автор, русский по национальности, который вполне нейтрально и даже сочувственно писал о татарах. Худякова полюбили не только татары, но и марийцы, и удмурты, прошлому которых учёный посвятил не-

мало научных исследований. Напрочь отсутствующие в его трудах великодержавный шовинизм, взгляд свысока на историю и культуру «отсталых» народов Поволжья, не могли не вызвать симпатии читателей.

Худяков стоял особняком в ряду казанских историков, занимавшихся этой проблематикой. Его учителя, университетские профессора, оказали на него заметное влияние, обогатили глубокими знаниями, но как-то не смогли передать ученику своих настроений – великодержавных, а порой, и сугубо чёрносотенных.

Но почему всё-таки учёный выбился из общей канвы, не пошёл проторённой тропой? Точного ответа не даст никто, но можно предположить, что мировоззрение Худякова сложилось и сформировалось в родном Малмыже – городе, который находился на перекрёстке различных культур: русской, татарской и финно-угорской. Поэтому и декларативные лозунги большевиков о равенстве и братстве народов были восприняты им буквально. Плюс вдобавок ко всему элементарная научная чистоплотность, ведь настоящий учёный должен избегать в своих трудах любой идеологии, пропаганды и оперировать только проверенными фактами, опираться на первоисточники.

Михаил Худяков не был героем, оппозиционером, а тем более иконой, которую пытаются сделать из него некоторые наши современники. Он был обычным интеллигентным человеком со всеми своими слабостями и недостатками, поэтому был так легко сломлен сталинскими палачами в 1936 году. Но он был и остаётся великим учёным, добросовестным и честным исследователем, ознаменовавшим своими трудами новый этап в деле изучения исторического прошлого народов Поволжья.

* * *

Биография Михаила Худяков вполне стандартна для своего времени. Как уже

было сказано выше, он родился 3 сентября 1894 года в городе Малмыж Вятской губернии, в семье купца 2-й гильдии – Егора Павловича Худякова. Род Худяковых был старинным, а его предки появились в Малмыже не позднее конца XVII века. В родном городе будущий учёный прожил совсем немного – до 12 лет. Получив хорошее домашнее образование, он мог претендовать на место в любой гимназии страны, но выбрал Казань – ближайший от Малмыжа университетский город. Он поступил в 1-ю Казанскую мужскую гимназию, выпускниками которой в своё время были такие выдающиеся личности, как Г. Р. Державин, С. Т. Аксаков, Н. И. Лобачевский и др. В те годы здесь господствовал культ исторической науки. Это было связано, прежде всего, с учителями-подвижниками – например, исторический кружок вёл известный историк М. О. Ковалевский. В гимназии Худяков проучился семь лет, до 1913 года.

В то время страна готовилась к 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 года. Гимназисты участвовали в создании выставок, совершали экскурсии по Казани и окрестностям, собирали материалы. Так Михаил втянулся в исследовательскую работу, почувствовал вкус к научной деятельности. Ещё один наставник – П. А. Пономарёв стал его первым учителем в археологии. Благодаря ему, Худяков начал поиски древностей в окрестностях родного Малмыжа. И как позже писал сам учёный, именно в гимназические годы «у него реально определяется интерес к археологии».

Окончив гимназию с золотой медалью, Михаил Худяков уже знал, чем будет заниматься, и в 1913 году недолго раздумывая, поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. Естественно, что Михаил уже не мог жить без науки, он стал активно сотрудничать с Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете, принимал участие в работе Вятской учёной архивной комиссии. Помимо этого он работал в

университетском музее, мечтая составить указатель коллекций древних находок.

Именно в студенческие годы Худяков начинает карьеру профессионального археолога. Он принимает самое активное участие в болгарских раскопках 1914–15 гг., организованные казанским Обществом археологии и этнографии. Результатом этой экспедиции стало обнаружение Худяковым китайского фарфора. Уже позже, обучаясь в школе прапорщиков в Одессе, он познакомился с собранием коллекции местного музея, что помогло ему идентифицировать болгарские находки и сделать важный вывод о торговых сношениях Древнего Китая и Волжской Булгарии.

«Участие в раскопках дало мне много полезных сведений как практических по технике раскопок, так и теоретических, по истории Булгарского царства. В настоящее время я чувствую, как благодарно участие в работах отразилось на моих познаниях и общем развитии», — отмечал он в одном из своих писем.

Вся его научно-исследовательская работа на факультете проходила под руководством профессора Б. Ф. Адлера, но всё же, наибольшее влияние на студента оказал известный казанский краевед, педагог и археолог Пётр Алексеевич Пономарёв. Он сподвиг Худякова не только на занятия археологией, но и на изучение его малой родины — Малмыжского края, где позже, в 1918 году по инициативе педагога было создано местное историческое общество. В результате, в 1915 и 1916 годах вышла целая серия работ Худякова, посвящённая прошлому города Малмыжа и Малмыжского уезда, а в 1917 году была издана книга «Древности Малмыжского уезда», представляющая собой свод сведений обо всех известных к тому времени памятниках археологии, начиная с эпохи неолита. Также в ней был помещён обзор всех находок, когда-либо упоминавшихся в публикациях предшественников, даны краткие очерки из истории удмуртского, марийского и татарского народов.

Успешные три года учёбы прервала Первая мировая война. Будучи по своему характеру мирным человеком, Худяков не рвался на фронт. Он хотел завершить учёбу, продолжить свои научные изыскания. Ведь он только-только вошёл во вкус, почувствовал радость первых открытий, а тут война, которая ставила жирный крест на его планах. Худяков просит руководство университета дать ему отсрочку. Прошение было удовлетворено. В первый год войны на волне всеобщего патриотизма и без него хватало желающих бить немца.

Но по мере ухудшения положения на фронтах, дошла очередь и до таких «пацифистов» как Худяков. В мае 1916 года с третьего курса он был призван на военную службу ратником II разряда. Поначалу он служил в Виленской губернии, на позициях близ озера Нероч, а после окончания в феврале 1917 года школы прапорщиков в Одессе, попал в Елабугу. Затем до самой своей демобилизации Михаил Худяков находился в действующей армии на Румынском фронте.

Война плавно перетекла в революцию. Рухнула огромная империя, к власти пришли большевики, в стране сменился политический строй, но все эти трагические и переломные для России события как-то прошли мимо Михаила Худякова. Он был вне политики, хотя и увлекался в студенческие годы идеями эсеров. Но не втянулся, посчитал лишним. Ему было на что тратить энергию — наука интересовала его больше, чем партийная возня и карьеристские амбиции.

Весной 1918 года вчерашний прапорщик вернулся в родной Малмыж. Конечно же, Михаил мечтал завершить образование, но до начала учебного года оставалось ещё полгода. Он устраивается временно в Совет городского хозяйства помощником секретаря, а осенью подаёт прошение о восстановлении на историко-филологическом факультете. Но о какой учёбе можно было говорить осенью 1918 года в самый разгар Гражданской войны? В ре-

зультате он получил диплом без сдачи государственных экзаменов.

В эти годы историк работает в Восточном педагогическом институте, принимает активное участие в открытии музеев в Казани, Малмыже, составляет археологическую карту Татарстана, изучает развалины Булгар и Биляр. Худяков стал одним из организаторов «Научного общества татароведения».

Как и многие другие интеллигенты, учёный искренне воспринял идеалы революции, поверил в громогласные лозунги большевиков. Особенно это касалось национального вопроса, к которому Худяков имел самое непосредственное отношение, поскольку изучал культурное и материальное наследие нерусских народов Поволжья. Ничтоже сумняшеся он писал: «Революция положила конец той политике завоеваний и насильственного порабощения соседних народностей, на путь которой Московское государство вступило в XVI веке и которая составила России нелестную репутацию порабощительницы народов».

Важным этапом жизни Худякова стала работа в Губернском музее, в штате которого он состоял с 1919 по 1925 год. Туда он попал по приглашению своего университетского наставника – этнографа и географа Бруно Фридриховича Адлера, которого новые власти поставили руководить этим заведением.

Худяков заведовал историко-археологическим отделом и перед ним, как и перед всеми сотрудниками музея, стояла цель превратить его в крупный научно-методический центр. Задача была поставлена непростая. Финансирования почти не было, жалование мизерное, помещения зимой не отапливались. Когда спустя время музей получил новые площади в здании бывшего Гостиного двора, ремонт залов осуществлялся своими силами. Чтобы как-то выжить, музейные работники создали огородное товарищество, инвентарь собирали с миру по нитке, сажали картошку, репу, свёклу, морковь, организовывали поочередное дежурство.

Несмотря на все эти трудности, музей жил полноценной жизнью. Надо было обрабатывать поток новых поступлений, как от организаций, так и от частных лиц, объём которых заметно увеличился в первые послереволюционные годы. Сотрудники организовывали выставки, составляли путеводители и указатели, открывали новые экспозиции. Во всём этом самое активное участие принимал и Михаил Георгиевич Худяков, который щедро делился своими глубокими знаниями в области культуры народов Востока.

Нескончаемые проблемы быта, сопровождавшие жизнь учёного в те годы, не могли отбить у него желания заниматься наукой, кроме того, ему приходилось подрабатывать ещё в нескольких местах. Например, в 1919–1922 годах Михаил Георгиевич занимался преподавательской деятельностью в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институтах – в будущей Восточной академии. Ему нравилось работать со студентами, он старался подходить к делу неформально, используя свой богатый опыт в полевой археологии. Он пропадал с учениками в музеях, где они с любопытством изучали древние каменные орудия. Вместо положенных двух часов в неделю эти занятия по желанию самих студентов растягивались до бесконечности.

После того как в Казань в начале 1922 года вернулся известный профессор-археолог В. Ф. Смолин, место Худякова отдал старшему коллеге. На этом его преподавательская карьера завершилась.

Если поначалу учёный занимался изучением истории и культуры финно-угорских народов, то вначале 1920-х годов его научные интересы тесно переплетаются с прошлым татар, историей государственности нашего народа. Ряд его статей этого периода: «Развалины Великого Города» (1921), «1000-летие мусульманской культуры в Поволжье» (1922), «Деревянное зодчество казанских татар» (1924) стали новым словом в татароведении.

В эти годы Худяков активно сотрудничал с местной прессой, особенно краеведческой: «Вестнике просвещения ТАССР», «Казанском музейном вестнике» и др. Он состоял активным членом Научного общества татароведения, которое также издавало свои труды.

«Очерки по истории Казанского ханства» были изданы в том же 1923 году мизерным по тому времени тиражом в 1000 экземпляров. Забегая вперёд, надо сказать, что эта книга после ареста Худякова была изъята из библиотек, поэтому на многие десятилетия стала библиографической редкостью, неизвестной даже специалистам-историкам.

Как писал сам автор в предисловии, «история Казанского ханства представляет выдающийся интерес по многим причинам. Помимо общего права на внимание, как история обширного государства, она имеет специальное значение для историков общей, восточной и русской культуры. Государственный организм, возникший посредством прививки сильной военной власти к основе местной старинной культуры, сразу выступил во всеоружии своей мощи и имея все шансы на долгое существование, но дальнейшее экономическое развитие Восточной Европы сложилось не в его пользу. Ход казанской истории в значительной степени обусловлен влиянием соседнего русского государства и представляет яркий пример взаимной борьбы двух государств, из которых одно находилось в устойчивом состоянии, с давно сложившимися экономическими отношениями, другое же, вначале более слабое, чрезвычайно быстро прогрессировало, переросло своего соседа, с которым было тесно связано экономически, и наконец — поглотило его».

Работа Худякова была одной из первых работ, посвящённых Казанскому ханству, история которого в трудах выдающихся учёных предшествующих поколений рассматривалась исключительно в духе европоцентризма. Его взгляд отличался от работ предыдущих

авторов тем, что автор симпатизировал татарскому народу и показывал политику московского государства, как захватническую и колониальную. Вместе с тем он старался сохранить научную объективность.

В 1925 году учёный переезжает в Ленинград и устраивается в Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина. Одновременно он поступает в аспирантуру Государственной академии материальной культуры, а в 1931 году переходит туда на постоянную работу и продолжает свои исследования в области изучения мусульманской культуры Поволжья. В эти годы он активно публикуется. Всего его перу принадлежит более 120 научных работ. Его научные интересы были разнообразны. Это — древняя архитектура, культура и фольклор народов Поволжья, памятники археологии финно-угорских и мусульманских народов, история татарской государственности. В 1936 году Худякову без защиты диссертации, по совокупности научных трудов была присвоена степень доктора исторических наук.

1930-е годы стали плодотворными для Михаила Худякова. Он занимался любимым делом, а поскольку не был обременён семьёй и детьми, то мог всецело отдаваться научным штудиям. Но обстановка в стране резко изменилась. Сталин, охваченный маниакальной идеей преследования, начал искать врагов и избавляться от бывших соратников, а, заодно и от прочих несогласных. Это коснулось не только старых большевиков, но и всех остальных: артистов, писателей, учёных, военных...

Будучи «большим учёным» Иосиф Виссарионович опубликовал в 1931 году в журнале «Пролетарская революция» программную статью «О некоторых вопросах истории большевизма». Спусковой крючок был нажат... В стране началась «охота на ведьм». В научных коллективах развернулась компания исправления ошибок, выявления уклонистов-троцкистов от науки, которые занимались «контрабандой буржуазных идей». Эта волна в конце

концов докатилась и до специалистов в области финно-угроведения (а Худяков в то время занимался удмуртским фольклором). После выхода статьи Марты Пальвадаре с «говорящим» названием «Буржуазная финская этнография и политика финляндского фашизма» начались прямые аресты. В 1931 году было возбуждено «Дело марийских федералистов», по которому были обвинены видные марийские учёные; кроме того, за решётку были брошены лучшие представители удмуртской, мордовской, коми-пермяцкой интеллигенции. Оставшиеся на свободе учёные должны были выявлять «экспорт буржуазных идей» в работах коллег и клеймить их как наймитов Запада и недобитых троцкистов.

В такой обстановке оставалось только мечтать о спокойной, созидательной работе. Михаил Георгиевич понимал, что скоро доберутся и до него. Пощады не будет. Во-первых, из-за его непролетарского происхождения, а во-вторых, в связи с тематикой его прошлых и настоящих исследований. В том же самом удмуртском эпосе, которым он занимался, ему не удалось показать оптимистическую тенденцию в истории этого народа. Мало того, герои удмуртского фольклора воевали с русскими, что само по себе тянуло на 58-ю статью.

Худяков не был борцом. Ломались люди сильнее его по духу и характеру. Беспokoясь за свою судьбу, он так же, как и многие, выступил с рядом верно-подданнических статей, в которых осудил финскую буржуазную науку. Мало того, он сделал выпад в адрес своего учителя Б. Ф. Адлера. Но это не спасло его от репрессий. Началась «дискуссия» и по отношению самого Михаила Худякова. Ему припомнили «Очерки по истории Казанского ханства», которым он «подал повод к разжиганию татарского национализма».

Переломным стал 1934 год. Убийство руководителя Ленинградской парторганизации С. М. Кирова развязало палачам руки. Начались повсеместные

аресты. Выяснилось, что Худяков является членом «троцкистской террористической группы». 9 сентября 1936 года учёный был арестован. Судя по материалам следственного дела, сопротивлялся он недолго и сразу признался в участии в подготовке террористических актов против Кирова, Жданова и даже Сталина. Худяков был сломлен и раздавлен. Если другие его коллеги отказались от своих показаний в суде, то Худяков повторил их слово в слово. И был ли смысл, когда в эти дни газета «Правда» писала: «Сталинская Конституция ещё выше поднимает престиж нашего суда, ещё больше подчёркивает его народный характер, ещё теснее связывает его с населением. Судьи независимы и подчиняются только закону». Решением суда от 19 декабря 1936 года Михаил Георгиевич Худяков был приговорён к «высшей мере социальной защиты», т. е. расстрелу. Приговор был приведён в исполнение без задержек.

* * *

Официальная реабилитация Худякова состоялась в 1957 году, но это ещё ничего не значило. Потребовалось свыше тридцати лет, чтобы его научные труды вернулись к читателю, и первой ласточкой в этом отношении стала публикация его отдельных работ в журнале «Идель» в 1989 году.

Это ещё раз подтвердило известную аксиому – настоящие, хорошие книги не погибают, не горят в огне, они живут долгой жизнью, через какое-то время возвращаясь к людям, обогащая уже новые поколения силой своей мысли, силой своего слова. И это также повторяет избитую аксиому, что история развивается по спирали. Закон, прошедший испытание временем, неукоснительное правило, выведенное на основе многих и многих примеров.

То же самое произошло и с наследием Худякова. После первых публикаций возник естественный интерес к личности самого учёного, исследова-

теля самой высокой пробы, о котором десятилетиями молчала официальная историческая наука. И самое любопытное заключалось в том, что эти выдающиеся работы, посвящённые прошлому нашего края, принадлежали перу не столичного, а местного учёного – воспитаннику Казанского университета.

В любом случае первый шаг был сделан. Параллельно вопросом возвращения наследия Худякова занимались и татарские историки. Благодаря активной деятельности профессора Казанского университета Миркасима Усманова в 1990 году была переиздана его книга «Очерки по истории Казанского ханства»*. Сам Усманов написал солидное предисловие, в котором если и не расставил все точки над *i*, то снял множество вопросов, которые могли возникнуть у любознательного читателя.

В ноябре 1990 года на страницах «Вечерней Казани» появилась статья татарской писательницы Фаузии Байрамовой под названием «Забытый сын

народов Поволжья». Конечно, пока ещё рано было говорить о полном раскрытии темы, сказывалась нехватка фактов, архивных документов. К слову сказать, Ф. Байрамова не отказалась от этой темы, и позже защитила кандидатскую диссертацию, посвящённую жизни и деятельности М. Г. Худякова. На её основе была издана книга на русском языке «Михаил Худяков и история татарского народа», которая вышла в Казани в 2003 году.

После того как был сделан первый шаг, этой темой занялись и другие учёные-историки, труды Худякова начали выходить не только в Казани, но и в Москве, Ижевске и других городах. В этом отношении судьба книг и статей М. Г. Худякова оказалась счастливой. Пусть с большим запозданием, но часть из них вернулась к своему читателю. И сейчас перед почитателями его научного творчества стоит одна задача – собрать и сделать достоянием общечеловеческой культуры все его изданные и неизданные труды.

* Отрывок из книги М. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства» читайте на стр. 177.